УДК 72.03:7.072.3

© С. П. Заварихин, д-р архит., профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

DOI 10.23968/1999-5571-2018-15-1-17-22

© S. P. Zavarikhin, Dr. Arch., Professor
(Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ КРИТИКИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

TYPOLOGY OF RUSSIAN ARCHITECTURAL CRITICISM OF THE MID XIX – EARLY XX CENTURIES

Рассматриваются типы русской архитектурной критики середины XIX – начала XX в. Выделены три крупные группы критических суждений: концепционные, первичные и непосредственные. К концепционным отнесены суждения, имеющие своим объектом архитектурные взгляды времени. Группа первичной критики включает результаты коллективного анализа (решения жюри, заключения комиссий и пр.). Непосредственная архитектурная критика была направлена на конкретные проекты и постройки, которые были объектами анализирующих либо констатирующих суждений. Затрагиваются понятия и проблемы общеметодологического характера, связанные с природой критических суждений (противоречия архитектурного процесса, проблемы оценки и др.).

Ключевые слова: архитектурная критика, типология, концепционные суждения, первичная критика, непосредственная критика, оценка.

The article discusses the types of Russian architectural criticism of the mid XIX – early XX centuries. There have been identified three large groups of critical judgments — conceptual, primary and spontaneous ones. Conceptual criticism is considered as perceptions that regard the architectural views of the time as the objects. Primary criticism involves the collective analysis results (e.g., jury's decisions, findings of commissions, etc.). Spontaneous criticism is directed at specific projects and buildings, which are objects for analyzing or summative judgments. The article also addresses the concepts and issues of general methodological character related to the nature of critical judgments (contradictions of the architectural process, problems of evaluation, etc.).

Keywords: architectural criticism, typology, conceptual judgments, primary criticism, spontaneous criticism, evaluation.

Критика — неотъемлемая часть архитектурного процесса. В устной или письменной форме она сопровождает все его этапы — от проектного замысла до оценки построенного объекта и условий его строительства. Значительным «критикогенным» потенциалом обладают противоречия в системе «заказчик — зодчий — зритель». Характер этих противоречий зависит от эпохи. В России с конца XVII в. «просвещенный» заказчик нередко имел иные представления об архитектуре, нежели средневековый зодчий-ремесленник, работавший в соответствии с устойчиво-традиционными цеховыми навыками и приемами строительства. С развитием системы государственного образования, в том числе архитектурного, эти противоречия сглаживались, но им на

смену приходили иные, связанные с разнообразием архитектурных вкусов зрителей, получивших с начала XIX в. возможность высказывать в печати свое мнение о новом объекте или проекте. С середины XIX в., когда обостряются скрытые ранее противоречия между классическими и национальными корнями русского зодчества, начинает формироваться институт профессиональных архитектурных критиков из числа деятелей «литературного цеха» (Н. Гоголь, Н. Кукольник, В. Стасов). Появление модерна придало новый импульс словесным баталиям между сторонниками неоклассики и «нового стиля». Очередной накал страстей в данной области отмечен в 1920-е гг., когда на арену архитектурных нововведений вышел авангард. Здесь основу массива

критических суждений составляли уже творческие позиции представителей противоположного лагеря. Политическую окраску советская архитектурная критика приобрела в 1930-е гг. Противоречия между практикой типового строительства и традиционными архитектурными ценностями обусловили характер советской архитектурной критики в 1960–1980-е гг. С начала 1990-х гг. вектор архитектурной критики сместился в сторону отдельных проектов и построек, качество которых до сих пор оценивается чаще всего с позиций соответствия контексту.

Внушительный массив разнообразной архитектурной критики, сформировавшийся почти за два столетия развития отечественной архитектуры, позволяет выявить типологию архитектурной критики с позиций ее целеполагания и жанровых разновидностей. При этом самый общий уровень целеполагания не является специфически архитектурным, так как «сущность критики — в познании и раскрытии в той или иной форме противоречий, ошибок и недостатков, возникающих по объективным или субъективным причинам в ходе общественной практики с целью их преодоления» [1]. Подобное понимание природы критики как социокультурного феномена было характерно для литературно-художественных кругов России XIX в. Так, В. А. Жуковский утверждал: «Критика есть суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное. Критик <...> знает все правила искусства, знаком с превосходнейшими образцами изящного, но в суждениях своих не подчиняется рабски ни образцам, ни правилам; в душе его существует собственный идеал совершенства <...> идеал возможного, служащий ему верным указателем для определения степеней превосходства» [2].

В отличие от Жуковского, утверждавшего приоритет субъективного мнения критика, В. Г. Белинский главными качествами критики считал ее объективность и историчность: «Многие под критикою разумеют или осуждение рассматриваемого явления, или отделение в нем хорошего от худого — самое пошлое понятие о критике! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения: суд принадлежит разуму, а не лицам,

а лица должны судить во имя общечеловеческого разума, а не во имя своей особы. <...> Критиковать — значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума. <...> С другой стороны, невозможно упускать из виду и собственно эстетических требований искусства. Скажем более: определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критика» [3].

Приведенные суждения о природе и смысле литературно-художественной критики в полной мере относятся и к критике архитектурной, исторический опыт которой «демонстрирует широту ее содержательного и жанрового диапазона. Ее граничные состояния — научная статья и (с другой стороны) эмоциональное публицистическое выступление. Но качество и действительность критики определяются не формой и жанром, а исключительно мастерством автора и материалом. Архитектуроведческое же значение критики во многом зависит от степени ее историзма — качества, развивавшегося параллельно с развитием историзма общественного сознания и ускорившего разделение бытия архитектурной мысли на теорию, историю и критику. При этом наибольшей адекватностью своему предмету, наибольшей конкретностью отличается именно критика, что естественно: явление всегда богаче закона. В сферу влияния критики попадают не только отдельные объекты и проекты, но и весь архитектурный процесс, а также история архитектуры, которая постоянно переосмысливается с позиций современности» [4].

Архитектурно-критическая деятельность имеет свой специфический творческий метод, который может быть квалифицирован как **метод критического познания**. Основное диалектическое противоречие метода обусловлено противоречивой природой самой критики, всегда сочетающей постижение объективной действительности, возможное лишь методами науки, с постижением субъективно-оценочного отношения к этой действительности, доступным лишь художественной интуиции. В зависимости от соотношения этих двух «познавательных» начал творческий метод архитектурной критики, как и в зодчестве, может быть рационалистическим, романтическим и реалистическим. Творческий метод архитектурной критики принципиаль-

но допускает некоторую долю «ошибочных» (не оправдавшихся впоследствии) мнений, прогнозов, выводов, порожденных эмоционально-личностной составляющей критики, а также многозначностью зодчества. Эти суждения, если они не воспринимаются современниками как директивные, играют определенную позитивную роль, ибо стимулируют появление альтернативных решений, более отвечающих действительным потребностям и идеалам своего времени.

Творческий метод архитектурной критики подразумевает наличие оценки в критических суждениях. **Оценка** — один из основных атрибутивных признаков критики. Именно наличие оценки делает критику критикой, позволяет выявить значимость объекта, степень его соответствия требованиям социального заказа, профессиональным установкам эпохи и др. Диапазон исходных оснований оценки достаточно широк. На одном его полюсе — система устойчивых (до нормативности) традиционных представлений и идеалов (характерных, например, для народной культуры), на другом — эффекты новизны, максимальной эстетической активности, исходящей из динамичной системы архитектурных представлений и идеалов (характерных для городской и, в частности, «элитарной» культуры).

Критические суждения различны также по степени своей доказательности. Эмоциональная оценка внешне нередко бездоказательна: обоснования «скрыты» верой критика в правоту своих высказываний и представлений. Рациональная оценка, напротив, выводится как результат логических построений и умозаключений.

К числу специфических «родовых признаков» архитектурно-критической деятельности относится также ее определенная спонтанность, незапланированность развития, которое не только следует за архитектурной практикой, но и может опережать ее.

Анализ значительной части массива отечественной архитектурной критики середины XIX – начала XXI в. позволил выделить три основных типа критических суждений в зависимости от объектного целеполагания: концепционные, первичные и непосредственные.

Концепционная архитектурная критика имеет своим объектом архитектурные взгляды

времени. Эту типологическую группу критических суждений выделяли Е. И. Кириченко и ряд других исследователей. Например, в обзоре, подготовленном Э. Я. Паскевич, утверждалось: «К сфере концептуального направления относятся суждения, объектом которых являются идеологические, методологические и теоретические проблемы архитектурной деятельности...» [5]. Поэтому главным классифицирующим признаком здесь является не конкретный функциональный аспект архитектурного процесса, а позиция критика, его исходные позитивные установки. При всем своем разнообразии эти установки исходят из признания первичности либо образно-стилевого, либо функционально-материального начала в архитектурном формообразовании. Соответственно этому возникли и взаимодействовали две главные разновидности концепционной критики: стилистическая и структуралистская.

Стилистическая критика отрицает конкретные стилевые явления или формотворческие концепции для утверждения других. Во второй половине XIX – начале XX в. распространено было отрицание эклектизма в пользу стилизаторского «моностилия»: «Художественное произведение тогда только может производить цельное впечатление, когда оно вполне выдержано, закончено и логично. А между тем какая логика может иметь место, если сочинить внешность в одном стиле, а внутренность — в другом?...» [6].

Критика не отдавала предпочтения одному стилизаторскому направлению перед другими, но такие принципиальные явления, как «кирпичный стиль» и модерн, подвергались критической оценке: «...в провинциальных городах в последнее десятилетие почти все общественные здания были построены в «кирпичном стиле» <...> В этой архитектуре можно еще привести два отличия: одни здания строились в шаблонах фабричных, другие, что еще хуже, в кирпиче подражали штукатурным классическим формам. <...> После кирпичного стиля провинция стала наводняться сецессионом и вообще всяким модерном. <...> Ни один стиль не вылился в провинциальных городах в столь чудовищно антихудожественные формы, как стиль модерн» [7].

Резко усилившаяся во второй половине XIX в. подвижность системы конкретных архитек-

турных идеалов выдвинула понятие «правда» в разряд коренных проблем теории и критики зодчества. Наименее ясным, но, очевидно, самым определяющим здесь был вопрос о взаимоотношениях утилитарного и художественного начал, порождавший проблемы стиля, декора и пр. П. Соколов по этому поводу писал в 1912 г.: «По современным условиям жизни мы принуждены жить в коробке, разделенной на множество клеток, и потому лишенной многих удобств. Зачем же выражать фасадом то, что ваш дом — густо населенный курятник? <...> Вполне резонно поступают те архитекторы, которые делают фасад на крупные части, создающие фиктивное представление о просторе расположения, о большом количестве воздуха, света и большом количестве удобств. Кому повредит такой обман? И точно ли можно назвать обманом стремление возбудить в человеке приятные ощущения?» [8].

Первичные формы архитектурной критики включают результаты коллективной оценки (экспертные заключения, решения жюри, отзывы комиссий) и аналитические материалы, посвященные отдельным аспектам профессиональной деятельности (организационным, юридическим и пр.), непосредственно влияющим на аспекты сугубо архитектурные.

Коллективность критического анализа (в основном проектов) снижала до минимума влияние субъективных факторов, а авторитетность экспертов делала эти выводы проявлением устойчиво высокого уровня современных профессиональных воззрений и идеалов. Впервые заключения жюри о конкурсных проектах были опубликованы журналом «Зодчий» в 1872 г. За последующие 45 лет подобные публикации в архитектурной периодике стали обычным делом: в печати было рассмотрено 170 конкурсов (4,5 тысяч проектов), что составило почти половину всех конкурсов, объявленных архитектурными обществами. При этом в подавляющем большинстве случаев главное внимание уделялось функциональным и общеконпозиционным вопросам при почти полном отсутствии анализа архитектуры фасадов, который заменялся бездоказательной констатацией чисто вкусовой оценки. Фасады нередко характеризовались словесными конструкциями типа «скромный, но не без характера», «не имеет ообенного характера»,

«типичны и вполне художественны», «неспокойны и интереса не представляют».

В отличие от характеристики фасадов, анализ функционально-планировочного решения проводился весьма подробно. Так, например, в заключении по проекту театра говорилось: «Все помещения в проекте слишком велики и не в пропорции: комнаты [чрезмерно] длинны при весьма малой глубине — начиная с сеней, которые имеют вид коридора. Бутафорская слишком удалена от сцены; кроме того, она сделана так, что в гардеробную иначе нельзя пройти, как через нее, что крайне неудобно...» [9].

В группу первичных форм критики входили статьи и по проблемам инфраструктурного характера, включая градостроительные. Отмечались отрицательные последствия спекуляции незастроенными участками на окраинах, недостаток мелких квартир, строительство громадных домов-казарм, дороговизна жилья, а также пренебрежение «разумной, предварительной планировкой города, имеющее последствием совершенно нерациональную нарезку улиц...» [10]. Критиковались отдельные положения Строительного устава, постановления местных органов самоуправления, вмешательство администрации в творческий процесс, неразвитость «общественных вкусов» в провинции. Обсуждались проблемы профессиональной этики, общественной активности зодчих и их общественный статус: «У нас архитектор — наемное лицо, обязанное за вознаграждение, не рассуждая, исполнять чужую волю; одним словом, у нас архитектура и ее деятели не пользуются наравне с другими специалистами никаким уважением, правами и поддержкой; у нас, наконец, каждый, прочитавший записки архитектуры и не читавший даже их, смело объявляет себя специалистом...» [11].

Непосредственная архитектурная критика — это основной «рабочий» слой конкретной критики, активно влияющий на практику зодчества. Именно в этом слое совершенствовались все виды критического анализа. Но в зависимости от его предмета все разновидности конкретной критики могут быть сведены к двум типологическим группам, различающимся диалектикой соотношения «объект — проблема».

Критика «проблемной» группы заостряла внимание на таких вопросах, как архитектур-

ное образование, функция в архитектуре, цвет в архитектуре, этапы и эпизоды истории зодчества, охрана памятников архитектуры. Острая полемика шла по поводу преподавания ордеров в архитектурных школах (статьи В. Пясецкого, Б. Михаловского, Б. Николаева, А. Нетыксы). Отмечались и такие недостатки, как подмена подлинно архитектурных критериев графическими эффектами, грандиозностью композиций.

Проблема цвета тем чаще поднималась критикой, чем более масштабным становилось городское строительство. Так, «Неделя строителя» писала в 1893 г.: «...нет недостатка в средствах; но отсутствует надлежащее, умелое руководство, а между тем фантазия владельцев требует чего-то особенного; в результате — дома из бирюзы, лазуревые храмы, гранит, окрашенный под мрамор, бронзовые фигуры под гранит и т. п.».

Историко-архитектурные проблемы в критическом освещении представляли как проблемы оценочного отношения к конкретной эпохе, конкретным авторам, проектам, постройкам. Это отношение в рассматриваемый период было весьма динамичным. Оценка классицизма, например, изменялась от его полного отрицания в середине XIX в. (не без влияния аракчеевских военных поселений) до апологии в 1900-х гг.

Интерес профессиональной критики к архитектурному прошлому резко возрос под влиянием Исторической выставки архитектуры в 1911 г. Появились статьи, в которых предпринимались попытки проанализировать творчество русских зодчих. В. А. Курбатов, например, писал: «Томон — гениальный мастер, но он в равной степени гонится и за декоративной, и за архитектурной красотой»; «Произведения Витберга <...> вообще красивы, но неархитектурны и слишком утомляют многочисленностью деталей» [12].

Проблемы охраны памятников осваивались критикой постепенно, по мере укрепления историзма общественного сознания. На всех пяти съездах русских зодчих отмечалось критическое состояние дел в сфере охраны наследия. С 1908 по 1914 г. критической оценке подверглись более ста исторических объектов. Наибольшей доказательностью отличались статьи В. Курбатова, остро обличавшего «вандализмы». В одной из статей он с горечью отмечал, что «потомки, перестав жить художественной жизнью, не умеют

отличать прекрасное от некрасивого и замечают лишь пестрое, которое и предпочитают строгому. <...> В настоящее время замечается какая-то болезненная ненависть к некоторым эпохам русской истории. В то время как другие народы в каждой эпохе находят по-своему и светлое и дорогое, русские видят почти исключительно горькое и, мечтая о будущем, стремятся вычеркнуть прошлое» [13].

Критика отдельных проектов и зданий осуществлялась двумя методическими подходами к объекту: констатирующим и анализирующим. Констатирующая критика количественно преобладала вплоть до конца XIX в., поэтому формы ее были многообразны, а сектор охвата объектов — широк. Первая пространная рецензия появилась в 1855 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 245). Она была посвящена очередной ежегодной выставке Академии художеств (в то время познакомиться с архитектурными проектами можно было только на выставках). Другое мнение о выставленных работах высказал А. Жуковский в газете «Северная пчела». В обеих статьях бездоказательно констатировались положительные и отрицательные стороны проектов: «Что касается проекта г. Скаржиского, то мы имеем о нем совершенно противоположное мнение <...> Проект казарм не представляет собой ничего особенного и примечательного: из чертежей более всего бросается в глаза громадной величины план <...> В композиции нет той важной и благородной простоты, которой следовало бы ожидать от проекта здания такого назначения» [14].

Примером критики анализирующего типа может служить рецензия на здание Верхних торговых рядов: «К сожалению, сплошная облицовка фасада камнем лишает его тех рельефов и красивых пятен, которые неминуемо бы появились, если бы гладкие части были облицованы кирпичом, тем более что прием этот столь характерен для русского стиля» [15].

Таким образом, даже приведенные в статье примеры убеждают, что в рассматриваемый период критическому анализу и оценке неоднократно подвергались практически все аспекты архитектуры и архитектурного процесса. При этом многообразие критических суждений может быть объединено в три принципиальные

типологические группы: концепционных, первичных и непосредственных. Соответственно, внутри этих групп формировались свои типологические ряды, специфика которых определялась объектами критики.

Библиографический список

1. БСЭ. Т. 13. М., 1973. С. 451–452.
2. Жуковский В. А. О критике // Полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1906. С. 95–97.
3. Белинский В. Г. Речь о критике // Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1955. С. 267–283.
4. Заварихин С. П. Русская архитектурная критика (середина XIII — начало XX в.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 183, 185.
5. Паскевич Э. Я. Архитектурная критика: история, теория, практика // Гражданское строительство и архитектура. Сер.: Теория и история архитектуры. Обзорная информация. 1986. Вып. 2. С. 29.
6. И. М. Корреспонденция (из Ревеля) // Зодчий. 1872. № 7. С. 114.
7. Карпович В. С. О сохранении художественного облика городов // Труды 4-го съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 110–114.
8. Соколов П. Красота архитектурных форм // Зодчий. 1912. № 49. С. 490.
9. Решение жюри конкурса на проект театра в Рыбинске // Зодчий. 1874. № 7. С. 63.
10. Протопопов Д. О необходимых мерах по жилищному вопросу // Городское дело. 1910. № 20. С. 1389.
11. Обзор строительного дела в России // Зодчий. 1876. № 7. С. 79.
12. Курбатов В. Значение исторической выставки архитектуры // Зодчий. 1911. № 44. С. 457; № 45. С. 465.
13. Курбатов В. К вопросу о сохранении старины // Зодчий. 1910. № 41. С. 402.
14. Жуковский А. О художественных архитектурных произведениях // Северная пчела. 1856. № 23. С. 8.
15. Верхние торговые ряды в Москве // Неделя строителя. 1893. № 21. С. 97.

References

1. BSEh. T. 13 [BSE, vol. 13]. Moscow, 1973, pp. 451–452.
2. Zhukovskiy V. A. O kritike [About criticism]. Complete collected edition, vol. 3. St. Petersburg, 1906, pp. 95–97.

3. Belinskiy V. G. *Rech' o kritike* [The speech about criticism]. Complete collected edition, vol. 6. Moscow, 1955, pp. 267–283.

4. Zavarikhin S.P. *Russkaya arkhitekturnaya kritika (seredina XIII – nachaloXXv.)* [Russian criticism in architecture (mid. XIII – early XX century)]. LGU Publ., 1989, pp. 183, 185.

5. Paskevich Eh. Ya. *Arkhittekturnaya kritika: istoriya, teoriya, praktika* [Architectural criticism: history, theory, practice]. *Grazhdanskoe stroitel'stvo i arkhitektura. Ser.: Teoriya i istoriya arkhitektury. Obzornaya informatsiya – Civil engineering and architecture. Ser.: Theory and history of architecture. Survey information*, 1986, vol. 2, p. 29.

6. I. M. *Korrespondentsiya (iz Revelya)* [Correspondence (from Revel)]. *Zodchiy – Architect*, 1872, no. 7, p. 114.

7. Karpovich V. S. *O sokhranении khudozhestvennogo oblika gorodov* [About preserving the art image of cities]. *Trudy 4-go s'ezda russkikh zodchikh* [Proc. of the IV Congress of Russian architects]. St. Petersburg, 1911, pp. 110–114.

8. Sokolov P. *Krasota arkhitekturnykh form* [Beauty of architectural forms]. *Zodchiy – Architect*, 1912, no. 49, 490 p.

9. *Reshenie zhyuri konkursa na projekt teatra v Rybinske* [The decision of jury of the competition on designing the project of the theater in Rybinsk]. *Zodchiy – Architect*, 1874, no. 7, p. 63.

10. Protopopov D. *O neobkhodimyykh merakh po zhilishchnomu voprosu* [About necessary measures on the housing issue]. *Gorodskoe delo – Urban Business*, 1910, no. 20, p. 1389.

11. *Obzor stroitel'nogo dela v Rossii* [Review of construction industry in Russia]. *Zodchiy – Architect*, 1876, no. 7, p. 79.

12. Kurbatov V. *Znachenie istoricheskoy vystavki arkhitektury* [Significance of the historical exhibition of architecture]. *Zodchiy – Architect*, 1911, no. 44, p. 457, no. 45, p. 465.

13. Kurbatov V. *K voprosu o sokhranении stariny* [To the issue of preserving the old times]. *Zodchiy – Architect*, 1910, no. 41, p. 402.

14. Zhukovskiy A. *O khudozhestvennykh arkhitekturnykh proizvedeniyakh* [About architectural works of art]. *Severnaya pchela – Northern Bee*, 1856, no. 23, p. 8.

15. *Verkhniytorgovye ryady v Moskve* [The upper shopping arcade in Moscow]. *Nedelya stroitelya – Builder's Week*, 1893, no. 21, p. 97.